

—

Кто бы не испугался, если бы император был в ярости?

Нет, кто-то не боялся. Сяо Шань с рождения был лишён этой жилки, называемой «страхом перед императором». Он молча взглянул на пышущего гневом императора, а затем с дрожью вышел из Восточного дворца под его огненным взглядом.

Наблюдая, как Сяо Шань исчезает из Восточного дворца, Сяо Шэн внезапно почувствовал, будто из него высосали всю жизненную энергию, он опустил поднятую руку и даже не пошевелился.

Вскоре один за другим вошли императорские лекари, пришедшие лечить Сяо Цзиня и Лю Цзиньги. Голос императора, приказывающий Сяо Шаню убираться, они не могли притвориться, что не слышали.

Зная, что император не в духе, эти врачи, будучи умными людьми, конечно, не стали бы раздражать его. Выйдя, они даже не взглянули на императора, а поспешно опустились на колени.

Сяо Шэн собрал выражение лица и обычным тоном спросил: «Как наследный принц и Тайцзы Фэй?»

Су Юань, главный императорский лекарь, спокойно ответил: «Докладываю Вашему Величеству, мы извлекли яд из тела наследного принца. Однако тело наследного принца все еще ослаблено и нуждается в покое некоторое время. Мы уже приготовили рецепт, достаточно лишь ежедневно готовить лекарство и давать его наследному принцу вовремя».

«Что касается Тайцзы Фэй, то из-за шока у нее произошло нарушение ци плода. Мы приготовили успокаивающее лекарство для беременности, Тайцзы Фэй его уже приняла, и сейчас ее пульс стабилен».

Как только Су Юань заговорил, сердце императрицы, которое она держала в руках, наконец успокоилось.

Император тоже в душе облегченно вздохнул. Он посмотрел на Су Юаня и сказал: «Ты лучше всех знаешь состояние здоровья наследного принца. Я требую, чтобы ты обязательно восстановил здоровье наследного принца до безупречного состояния».

Су Юань серьезно сказал: «Ваш подданный понимает».

Император махнул рукой, и лекари встали и один за другим вышли.

Когда они ушли, Сяо Шэн взглянул на Сяо Жуна и других, стоящих на коленях с очень неприятными выражениями лиц, а затем посмотрел на наложницу Лань, которая выглядела жалко. Увидев их, Сяо Шэн вспомнил слова Сяо Шаня о клятве восемнадцатью поколениями предков... Сяо Шань, произнёсший эти слова, был совершенно негодяем и самым непочтительным сыном.

Гнев, который он не мог контролировать, хлынул ему в голову. Сяо Шэн холодно сказал: «С этого дня, пока не будет расследовано дело об отравлении наследного принца, наложница Лань не должна покидать дворец Цзинлань и не должна встречаться с посторонними. Что касается вас, все возвращайтесь и запируйтесь на месяц, чтобы подумать о своих проступках».

Наложница Лань, которую только что утешил Сяо Шань, успокоилась. Она подумала, что император обязательно выяснит правду и очистит её имя, поэтому не особо беспокоилась о предстоящем заключении. Вероятно, из-за того, что она всё поняла, её лицо даже немного посветлело.

Сяо Жун и другие, испуганные до глубины души, не осмеливались возражать Сяо Шэну, и даже Сяо Сянь, который осмеливался спорить с Сяо Шанем, послушно сказал «да».

Сяо Шэн, глядя на них, холодно хмыкнул и, махнув рукавом, ушёл.

Император ушёл, а остальные один за другим отдали поклон императрице и тоже удалились.

Только наложницу Лань, евнух Чан Лэ должен был лично проводить обратно во дворец Цзинлань. Уходя, наложница Лань посмотрела на императрицу, и в этом взгляде, полном слез, было скрыто множество невысказанных слов.

Императрица чувствовала, как её сердце трепещет от её взгляда. После долгого молчания императрица почувствовала себя немного обиженной, но всё же глухо произнесла: «Ты просто отдохни во дворце, и всё наладится, когда Его Величество выяснит правду».

Наложница Лань со слезами кивнула, ведя себя очень послушно и покорно.

Наложница Лань была выпровожена прочь, а императрица пошла навестить Сяо Цзиня.

Сяо Цзинь лежал с закрытыми глазами, услышав, как императрица приказала всем удалиться, он медленно открыл глаза.

Императрица села у изголовья кровати и, глядя на его изможденный вид, почувствовала боль в сердце: «Почему ты проснулся, это матушка тебя разбудила?»

Лицо Сяо Цзиня было все еще бледным, но он все же слегка улыбнулся, утешая ее: «Ваш сын уже давно проснулся, просто тело было ленивым и не хотело двигаться, поэтому я просто притворился спящим с закрытыми глазами».

Императрица полужалостливо, полусерьёзно сказала: «На этот раз ты так сильно пострадал, посмотрим, осмелишься ли ты после этого есть что попало».

Сяо Цзинь немного помолчал, затем сказал: «Матушка-императрица подозревает наложницу Лань?»

Императрица вздохнула и рассказала все, что только что произошло.

Сяо Цзинь, услышав слова Сяо Шаня, не удержался и улыбнулся: «Если третий брат так говорил, то старший брат и остальные, наверное, сошли с ума от злости».

«И не только старший принц, но и Его Величество чуть ли не сошёл с ума от него», — сердито сказала императрица. «Изначально я немного подозревала наложницу Лань, но увидев такое отношение Сяо Шаня, я снова засомневалась».

Сяо Цзинь посмотрел на нее и с улыбкой сказал: «О других я не смею говорить, но за третьего брата я ручаюсь: у него нет никакого желания бороться за титул наследного принца. Если бы у него было хоть малейшее желание, он бы не пренебрегал семьёй Гу все эти годы, до такой степени, что отношения с ними стали такими холодными и отчуждёнными. Два моих дяди, не выдержав, жаловались мне, что третий брат ведет себя слишком надменно. Но третий брат всегда так себя вел перед отцом-императором, его характер, наверное, трудно изменить».

Императрица была встревожена: «Сяо Шань тоже вырос у меня на глазах, и я знаю его характер. Но подумай, сегодняшнее дело слишком странное. Пирожные приготовила наложница Лань, и она сама их принесла, что же могло пойти не так? Раньше пирожные, поступавшие в Восточный дворец, тщательно проверялись, но именно сегодня она пришла лично, и ты, из вежливости, съел их, не проверив».

«Если это сделала не наложница Лань, то это еще страшнее, потому что во дворце есть еще такой человек, способный на такие коварные замыслы. Даже если на этот раз мы найдем убийцу, кто может быть уверен, что он не просто пешка, за которой нет других, кто ей управляет?»

Сяо Цзинь кашлянул и сказал: «Матушка-императрица беспокоится вполне обоснованно, но что касается наложницы Лань, пока у третьего брата нет этих мыслей, даже если наложницу Лань кто-то спровоцирует и у неё появятся такие намерения, какой от этого толк? Всё равно это будет бесполезно. Более того, матушка знает характер наложницы Лань: ко всему она относится с трёхминутным энтузиазмом, и всё у неё на лице написано. Наложница Лань, как и третий брат, человек настроения... Если матушка действительно беспокоится, то лучше провести дополнительное расследование».

Императрица, вспомнив, как наложница Лань в первую очередь заставила Сяо Цзиня вырвать, вздохнула: «Надеюсь, я просто надумываю».

Сяо Цзинь слабо отозвался. Императрица, видя, что он очень утомлён, сказала: «Императорский лекарь Су сказал, что тебе нужно хорошо отдохнуть. Слушайся лекаря, больше отдыхай, и твоё тело быстрее поправится».

Сяо Цзинь: «Матушка-императрица, не волнуйтесь, ваш сын ни в коем случае не будет шутить со своим здоровьем».

Императрица кивнула и встала, чтобы уйти.

—

Тем временем, после того как наложница Сянь вернулась во дворец с Сяо Сянем, она отослала всех слуг из зала, а затем внезапно холодно взглянула на Сяо Сяня, пристально глядя на него: «Скажи, ты пошёл во Восточный дворец, чтобы поглазеть или посмеяться?»

Когда наложница Сянь становилась холодной, в ней не было ни капли мягкости. Она вся была как бездушная глыба льда, холодная и бесчувственная.

Сяо Сянь сжал плечи, он встал на колени и тихо сказал: «Матушка-наложница, у вашего сына не было такого намерения».

Наложница Сянь презрительно усмехнулась: «Нет такого намерения? Нет такого намерения, но ты почему-то пошёл во Восточный дворец?»

«Это старший брат нас потащил...»

«Старший брат сказал тебе идти, и ты пошел? Ты так его слушаешься, что если он захочет, чтобы ты умер, ты что, пойдешь и умрешь?»

Сяо Сянь остолбенело смотрел на наложницу Сянь, произнёсшую эти слова.

Его сердце будто пронзили иглой, холодный ветер без остановки дул внутрь, пронзая его насквозь.

Наложница Сянь с полным разочарования взглядом сказала: «Я всегда учила тебя, что нельзя ошибаться ни на шаг, в обычное время больше читай, обязательно заставь отца-императора по-новому взглянуть на тебя, но ты даже не сравнишься с этим глупцом Сяо Шанем. Сегодня отравление наследного принца, твой поход во Восточный дворец — это первая ошибка. Перед лицом императора ты не смог переспорить бессвязного и наглого Сяо Шаня, ещё и опозорился

— это вторая ошибка. Император велел тебе запереться на месяц и хорошо подумать».

Сяо Сянь, услышав это, медленно скривил губы.

А упомянутый ими Сяо Жун в это время ехал в карете обратно в поместье князя Жуй вместе с Гу Линлун.

Всю дорогу Сяо Жун беспрестанно проклинал Сяо Шаня, называя его таким же безмозглым бедствием, как и наложница Лань. Он ненавидел этого бессовестного вредителя, который посмел загнать его в такое положение.

Вылив свою злость на Сяо Шаня в карете, наедине, Сяо Жун посмотрел на Гу Линлун и с опаской сказал: «Сяо Шань просто сумасшедший, когда он сходит с ума, он никого не признает, даже предков, в будущем нам нужно держаться подальше от этого сумасшедшего».

Гу Линлун неохотно сказала: «Я редко вижу князя Ли во внутренних покоях, но Ваше Высочество часто встречается с ним, когда выходит на улицу. Вашему Высочеству следует быть более осторожным».

Сяо Жун с печальным лицом сказал: «Ты права, мне нужно держаться от него подальше. Но тебе тоже следует остерегаться его супруга Се Чжуня, в будущем избегай его, кто знает, не передалась ли ему сумасшествие Сяо Шаня».

Гу Линлун, видя его таким, не удержалась и сказала: «Ваше Высочество, вы боитесь князя Ли?»

Сяо Жун очень расстроено сказал: «Я не боюсь его самого, но боюсь его языка. Разве ты не боишься? Ты ведь видела, как он разозлил отца-императора. Такой человек, если бы ты была на моём месте, осмелилась бы ты к нему подойти?»

Гу Линлун подумала и вздохнула: «Я тоже боюсь». Боюсь, что меня укусят.

Но помимо страха, было еще какое-то невыразимое чувство, в глубине души, она словно немного завидовала безрассудству Сяо Шаня. Но это не были мысли, которые она должна была иметь, они были слишком возмутительными, поэтому она могла лишь запрятать их глубоко в сердце.

Сяо Жун ненавидел Сяо Шаня до глубины души.

Он был старшим сыном, и что с того, что у него было желание стать наследным принцем? Этот дурак Сяо Шань, сам не способный быть наследным принцем, еще и заставлял других уступать место Сяо Цзиню.

Действительно, глуп и ядовит.

От такого ядовитого существа ему обязательно нужно держаться подальше.

Иначе, кто знает, может, однажды он его отравит.

Сяо Жун теперь молился, чтобы Сяо Цзинь и Сяо Шань поскорее рассорились, чтобы эта ядовитая стрела Сяо Шаня была направлена на Сяо Цзиня, чтобы навредить Сяо Цзиню.

—

Сяо Шань вернулся в поместье князя Ли, и Се Чжуй немедленно вышел ему навстречу: «Ты в порядке?»

Сяо Шань бросил плащ Цзи Аню и сказал: «Всё в порядке, что со мной может случиться? Просто у матушки-наложницы небольшие неприятности, второй брат отравился, съев её пирожные».

Он говорил так спокойно, что Се Чжуй, услышав это, остолбенел: «Что?» Разве при таких обстоятельствах не следовало бы нервничать?

Сяо Шань рассказал все по порядку. Се Чжуй сначала очень нервничал, но к тому времени, как Сяо Шань закончил, его внимание уже переключилось, и он не удержался, спросив: «Ваше Высочество говорил так перед самим императором?»

Сяо Шань с удивлением посмотрел на него: «Конечно, это же естественно. Я выражал свои искренние чувства, и, конечно, должен был делать это перед отцом-императором. Иначе я бы просто бросал бисер перед свиньями, разве не так?»

«Просто отцу-императору, кажется, не очень понравились мои искренние слова», — в конце добавил он.

Сердце Се Чжуйя было полно невыразимых чувств, он подумал, что, конечно, императору это не понравилось.

Император, будучи императором, возможно, знал о мыслях других сыновей, кроме наследного принца. Но пока эти люди не предпринимали никаких действий или не переходили его границ, он мог закрывать на это глаза и притворяться, что ничего не знает.

Сяо Шань так раздражил людей, что они чуть не поклялись восемнадцатью поколениями предков, что явно было наглой ложью. Если бы князь Жуй и другие действительно поклялись, это означало бы, что они оскорбили всех предков, включая самого императора. Император,

естественно, был недоволен.

Однако после такого переполоха, устроенного Сяо Шанем, опасность для наложницы Лань значительно уменьшилась.

Поскольку он не стремился к трону наследного принца, наложница Лань могла снять с себя часть подозрений. Что касается того, насколько сильно, это уже зависело от доказательств.

Поняв это, Се Чжуй посмотрел на Сяо Шаня со сложным выражением лица.

Он не знал, действовал ли Сяо Шань так намеренно, или же это было просто случайное везение.

Сяо Шань, видя, что Се Чжуй постоянно смотрит на него, вдруг изменился в лице и нервно сказал: «Ты беспокоишься обо мне? Честно говоря, я тоже очень боюсь, мое сердце сейчас все еще колотится».

«Ты должен хорошо меня утешить, иначе я точно не смогу заснуть ночью и даже буду видеть кошмары».

Се Чжуй: «...»

Эти слова звучали как фальшивка, да и утешать... как утешать? Схватить его и обнять?

Глубокой ночью под теплом полога Се Чжуй наконец узнал правильный способ утешить человека. Сяо Шань научил его этому, шаг за шагом, своими губами и руками.

Сяо Шань сказал, что чтобы успокоить встревоженного человека, нужно утомить его до предела, и тогда он уснёт.

Но долгое время Сяо Шань не проявлял признаков усталости. Наоборот, он прибегал к всевозможным ухищрениям, чтобы тело Се Чжуйа окончательно обмякло и нагрелось. Он заставлял Се Чжуйа добровольно открыться, а затем различными способами добивался, чтобы Се Чжуй называл его имя, называл его мужем...

—